Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://gorkiymaxim.ru/ Приятного чтения!

В степи. Максим Горький

Мы вышли из Перекопа в самом сквернейшем настроении духа - голодные, как волки, и злые на весь мир. В продолжение половины суток мы безуспешно употребляли в дело все наши таланты и усилия для того, чтобы украсть или заработать что-нибудь, и, когда убедились наконец, что ни то, ни другое нам не удастся, решили идти дальше. Куда? Вообще - дальше.

Мы готовы были пойти и во всех отношениях дальше по той жизненной тропе, по которой давно уже шли, - это было молча решено каждым из нас и ясно сверкало в угрюмом блеске наших голодных глаз.

Нас трое; мы все недавно познакомились, столкнувшись друг с другом в Херсоне, в кабачке на берегу Днепра.

Один - солдат железнодорожного батальона, потом - якобы - дорожный мастер, рыжий и мускулистый человек, с холодными, серыми глазами; он умел говорить по-немецки и обладал очень подробным знанием тюремной жизни.

Наш брат не любит много говорить о своем прошлом, всегда имея на это более или менее основательные причины, и потому все мы верили друг другу по крайней мере наружно верили, ибо внутренне каждый из нас и сам-то себе плохо верил.

Когда второй наш товарищ, сухонький и маленький человечек с тонкими губами, всегда скептически поджатыми, говорил о себе, что он бывший студент Московского университета, - я и солдат принимали это за факт. В сущности, нам было решительно все равно, был ли он когда-то студентом, сыщиком или вором, - важно было лишь то, что в момент нашего знакомства он был равен нам: голодал, пользовался особым вниманием полиции в городах и подозрительным отношением мужиков в деревнях, ненавидел и ту и других ненавистью загнанного, голодного зверя, мечтал об универсальной мести всем и всему, - одним словом, и по своему положению среди царей природы и владык жизни, и по настроению - был нашего поля ягода.

Третий был я. По скромности, со времен младых ногтей моих присущей мне, я ни слова не скажу о моих достоинствах и, не желая показаться вам наивным, умолчу о своих недостатках. Но, пожалуй, в виде материала для моей характеристики, я скажу, что всегда считал себя лучше других и успешно продолжаю заниматься этим до сего дня.

Итак, мы вышли из Перекопа и шли дальше, имея в виду чабанов, у которых всегда можно попросить хлеба и которые очень редко отказывают в этом прохожим людям.

Я шел рядом с солдатом, "студент" шагал сзади нас. На плечах у него висело нечто, напоминавшее пиджак; на голове- острой, угловатой и гладко остриженной - покоился остаток широкополой шляпы; серые брюки в разноцветных заплатах обтягивали его ножки, а к ступням он пристроил веревочками, свитыми из подкладки его костюма, найденное на дороге голенище сапога, назвал это сооружение сандалиями и шагал молча, поднимая много пыли и поблескивая зеленоватыми маленькими глазками. Солдат был одет в красную кумачовую рубаху, которую, по его словам, он "собственноручно" приобрел в Херсоне; сверх рубахи на нем был еще теплый ватный жилет; на голове, по воинскому уставу - "с заломом верхнего круга на правую бровь", - надета была солдатская фуражка неопределенного цвета; на ногах болтались широкие чумацкие шаровары. Он был бос.

Я тоже был одет и бос.

Вокруг нас во все стороны богатырским размахом распростерлась степь и, покрытая синим знойным куполом безоблачного неба, лежала, как громадное, круглое, черное блюдо. Серая, пыльная дорога резала ее широкой полосой и жгла нам ноги. Местами попадались щетинистые полосы сжатого хлеба, имевшие странное сходство с давно не бритыми щеками солдата.

Солдат шел и пел сиповатым басом:

- ...И святое воскресение твое поем и хва-алим...

Во время своей службы он был чем-то вроде дьячка батальонной церкви, знал бесчисленное множество тропарей, ирмосов и кондаков, знанием которых и злоупотреблял каждый раз, когда беседа наша почему-либо не вязалась.

Впереди, на горизонте, росли какие-то фигуры мягких очертаний и ласковых оттенков от лилового до нежно-розового.

- Очевидно, это и есть Крымские горы, - сказал "студент".

- Горы? - воскликнул солдат, - больно рано, друг, увидал ты их. Это... облака. Видишь, какие - точно клюквенный кисель с молоком...

Я заметил, что было бы в высшей степени приятно, если бы облака и в самом деле состояли из киселя.

- Ах, дьявол! - выругался солдат, сплевывая. - Хоть бы одна живая душа попалась! Никого... Приходится, как медведям зимой, собственные лапы сосать...

- Я говорил, что надо было к заселенным местам двигаться, поучительно заявил "студент"...

- Ты говорил! - возмутился солдат. - На то ты и ученый, чтобы говорить. Какие тут заселенные места? Черт их знает, где они!

"Студент" замолчал, поджав губы. Солнце садилось, облака на горизонте играли разнообразными, неуловимыми словом красками. Пахло землей и солью.

И от этого сухого, вкусного запаха наши аппетиты еще более усиливались.

В желудках сосало. Это было странное и неприятное ощущение: казалось, что из всех мускулов тела соки медленно вытекают куда-то, испаряются, и мускулы теряют свою живую гибкость. Ощущение колющей сухости наполняло полость рта и глотку, в голове мутилось, а перед глазами мелькали темные пятна. Иногда они принимали вид дымящихся кусков мяса, караваев хлеба; воспоминание снабжало эти "виденья былого, виденья немые" свойственными им запахами, и тогда в желудке точно нож повертывался.

Мы все-таки шли, делясь друг с другом описанием наших ощущений, зорко посматривая по сторонам - не видать ли где-либо отары овец, и слушая - не раздастся ли резкий скрип арбы татарина, везущего фрукты на Армянский базар.

Но степь была пуста, безмолвна.

Накануне этого тяжелого дня мы втроем съели четыре фунта ржаного хлеба и штук пять арбузов, а прошли около сорока верст - расход не по приходу! Заснув на базарной площади Перекопа, мы проснулись от голода.

"Студент" справедливо советовал нам не ложиться спать, а в течение ночи заняться... но в порядочном обществе не принято вслух говорить о проектах нарушения права собственности, я молчу. Я хочу быть только правдивым, не в моих интересах быть грубым. Я знаю, что люди становятся все мягче душой в наши высококультурные дни и даже, когда берут за глотку своего ближнего с явной целью удушить его, - стараются сделать это с возможной любезностью и соблюдением всех приличий, уместных в данном случае. Опыт собственной моей глотки заставляет меня отметить этот прогресс нравов, и я с приятным чувством уверенности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этом свете. В частности, этот замечательный процесс веско подтверждается ежегодным ростом тюрем, кабаков и домов терпимости...

Так, глотая голодную слюну и стараясь дружеской беседой подавить боли в желудках, мы шли пустынной, безмолвной степью, в красноватых лучах заката; пред нами солнце тихо опускалось в мягкие облака, щедро окрашенные его лучами, а сзади нас и с боков голубоватая мгла, поднимаясь со степи в небо, суживала неприветливые горизонты.

- Собирайте, братцы, материал для костра. - сказал солдат, поднимая с дороги

какую-то чурбашку. - Придется ночевать в степи - роса! Кизяки, всякий прут - все бери!

Мы разошлись по сторонам дороги, собирая сухой бурьян и все, что могло гореть. Каждый раз, когда приходилось наклоняться к земле, в теле возникало страстное желание упасть и есть землю, черную, жирную, много есть, есть до изнеможения, потом - заснуть. Хоть навсегда заснуть, только бы есть, жевать и чувствовать, как теплая и густая кашица изо рта медленно опускается по ссохшемуся пищеводу в желудок, горящий от желания впитать в себя что-либо.

- Хоть бы коренья какие-нибудь найти... - вздохнул солдат. - Есть этакие съедобные коренья...

Но в черной вспаханной земле не было никаких кореньев. Южная ночь наступала быстро, и еще не успел угаснуть последний луч солнца, как уже в темно-синем небе заблестели звезды, а вокруг нас все плотнее сливались тени, суживая бесконечную гладь степи...

- Братцы, - вполголоса сказал "студент", - там влево человек лежит...

- Человек? - усомнился солдат. - А чего ему там лежать?

- Иди и спроси. Наверное, у него есть хлеб, коли он расположился в степи.

Солдат посмотрел в сторону, где лежал человек, и решительно сплюнул.

- Идем к нему!

Только зеленые, острые глаза "студента" могли разобрать, что темная куча, возвышавшаяся саженях в пятидесяти влево от дороги. - человек. Мы шли к нему, быстро шагая по комьям пашни, и чувствовали, как зародившаяся в нас надежда на еду обостряет боли голода. Мы были уже близко - человек не двигался.

- А может, это не человек, - угрюмо выразил солдат общую всем мысль.

Но наше сомнение рассеялось в тот же момент, ибо куча на земле вдруг зашевелилась, выросла, и мы увидали, что это- самый настоящий, живой человек, он стоял на коленях, простирая к нам руку, и говорил глухим и дрожащим голосом:

- Не подходи, - застрелю!

В мутном воздухе раздался сухой, краткий щелчок. Мы остановились, как по команде, и несколько секунд молчали, ошеломленные нелюбезной встречей.

- Вот так мер-рзавец! - выразительно пробормотал солдат.

- Н-да, - задумчиво сказал "студент". - С револьвером ходит... видно, икряная рыба...

- Эй! - крикнул солдат, очевидно решив что-то.

Человек, не изменяя позы, молчал.

- Эй, ты! Мы не тронем тебя, - дай нам только хлеба - есть? Дай, брат, Христа ради!.. Будь ты, анафема, проклят!

Последние слова солдат произнес себе в усы.

Человек молчал.

- Слышишь? - с дрожью злобы и отчаяния снова заговорил солдат. - Дай, мол, хлеба! Мы не подойдем к тебе... брось нам его...

- Ладно, - кратко сказал человек.

Он мог бы сказать нам "дорогие братья мои!" - и, если б он влил в эти три слова все самые святые и чистые чувства, они не возбудили бы нас так и не очеловечили бы настолько, как это глухое краткое "ладно"!

- Ты не бойся нас, добрый человек, - мягко улыбаясь, заговорил солдат, хотя человек не мог видеть его улыбки, ибо был отделен от нас расстоянием по крайней мере в двадцать шагов.

- Мы люди смирные, - идем из России в Кубань... подшиблись деньгой в дороге, все с себя проели, - а теперь вот уж вторые сутки не жрамши...

- Держи! - сказал добрый человек, взмахнув рукой в воздухе. Черный кусок мелькнул и упал неподалеку от нас на пашню. "Студент" бросился за ним.

- Еще держи! Больше нет...

Когда "студент" собрал эту оригинальную подачку, оказалось, что мы имеем фунта четыре пшеничного черствого хлеба. Он был вывалян в земле и очень черств. Черствый хлеб сытнее мягкого: в нем меньше влаги.

- Так... и так... и так! - сосредоточенно распределял солдат куски. Стой... не ровно! У тебя, ученый, надо ущипнуть кусочек, а то ему мало...

"Студент" беспрекословно подчинился утрате кусочка хлеба золотников в пять весом; я получил его, положил в рот.

И стал жевать, медленно жевать, едва сдерживая судорожное движение челюстей, готовых искрошить камень. Мне доставляло острое наслаждение чувствовать судороги пищевода и понемножку, капельками удовлетворять его. Глоток за глотком, теплые, неописуемо вкусные, проникали в желудок и, казалось, тотчас же превращались в кровь и мозг. Радость, - такая странная, тихая и оживляющая радость, грела сердце по мере того, как наполнялся желудок. Я позабыл о проклятых днях хронического голода, позабыл о моих товарищах, погруженный в наслаждение ощущениями, которые я переживал.

Но когда я сбросил с ладони в рот последние крошки хлеба, то почувствовал, что смертельно хочу есть.

- У него, анафемы, сало там еще осталось или мясо какое-то... - ворчал солдат, сидя на земле против меня и потирая руками желудок.

- Наверное, потому хлеб имел запах мяса... Да и хлеб, наверно, остался, - сказал "студент" и тихонько добавил: - Если бы не револьвер...

- Кто он такой?

- Видно, наш брат Исакий...

- Собака! - решил солдат.

Мы сидели тесной группой, посматривая туда, где сидел наш благодетель с револьвером. Оттуда до нас не доносилось ни звука, ни признака жизни.

Ночь собирала вокруг свои темные силы. Мертвенно-тихо было в степи, мы слышали дыхание друг друга. Иногда где-то раздавался меланхолический свист суслика... Звезды, живые цветы неба, горели над нами... Мы хотели есть.

С гордостью говорю - я был не хуже и не лучше моих случайных товарищей в эту несколько странную ночь. Я предложил им встать и идти на этого человека. Не нужно трогать его, но мы съедим все, что найдем. Он будет стрелять, - пускай! Из троих попадет только в одного, - если попадет; а если и попадет, так едва ли револьверная пуля убьет насмерть.

- Идем! - сказал солдат, вскочив на ноги.

"Студент" поднялся медленнее его.

И мы пошли, почти побежали. "Студент" держался сзади нас.

- Товарищ! - укоризненно крикнул ему солдат.

Навстречу нам неслось глухое бормотанье и резкий звук щелкающего курка. Вот сверкнул огонь, раздался сухой звук выстрела.

- Мимо! - радостно крикнул солдат, одним прыжком достигая человека. Ну, дьявол, я ж тебе теперь задам...

"Студент" бросился к котомке.

А "дьявол" упал с колен на спину и, разметав руки, хрипел...

- Что за черт! - изумился солдат, уже поднявший ногу, чтобы дать пинка этому человеку. - Неужто он в себя ахнул? Ты! Что ты? Эй! Застрелился, что ли?

- И мясо, и какие-то лепешки, и хлеб... много, братцы! - раздался ликующий голос "студента".

- Ну, черт с тобой, издыхай... Едим! - крикнул солдат. Я вынул револьвер из руки человека, который уже перестал хрипеть и лежал теперь неподвижно. В барабане был еще один патрон.

Мы снова ели, ели молча. Человек лежал и тоже молчал, не двигая ни одним членом. Мы не обращали на него внимания.

- Неужто, братцы родные, вы это только из-за хлеба? - вдруг раздался хриплый и дрожащий голос.

Мы все вздрогнули. "Студент" даже поперхнулся и, согнувшись к земле, стал кашлять.

Солдат, прожевав кусок, начал ругаться.

- Собачья ты душа, чтоб те треснуть, как сухой колоде! Шкуру, что ли, мы с тебя сдерем? На кой она нам нужна? Дурье твое рыло, поганый дух! На-ко! - вооружился и палит в людей! Анафема ты...

Он ругался и ел, отчего ругань его теряла выразительность и силу...

- Погоди, вот мы поедим, так рассчитаемся с тобой, - зловеще пообещал "студент".

Тогда в тишине ночи раздались воющие рыдания, испугавшие нас.

- Братцы... разве я знал? Стрелял... потому что боюсь. Иду из Нового Афона... в Смоленскую губернию... господи! Лихорадка смаяла... как солнце зайдет - беда моя! От лихорадки и с Афона ушел... столярил там... столяр я... Дома жена... две девочки... три года четвертый не видал их... братцы! Всё ешьте...

- Съедим, не проси, - сказал "студент".

- Господи боже! кабы я знал, что вы мирные, хорошие люди... разве бы я стал стрелять? А тут, братцы, степь, ночь... виноват я?

Он говорил и плакал, вернее - издавал дрожащий, пугливый вой.

- Вот скулит! - презрительно сказал солдат.

- У него должны быть деньги с собой, - заявил "студент".

Солдат прищурил глаза, посмотрел на него и усмехнулся.

- А ты - догадливый... Вот что, давайте-ка костер запалим, да и спать...

- А он? - осведомился "студент".

- А черт с ним! Жарить нам его, что ли?

- Следовало бы, - сказал "студент", качнув своей острой головой.

Мы сходили за набранными нами материалами, которые бросили там, где остановил

нас столяр своим окриком, принесли их и скоро сидели вокруг костра. Он тихо теплился в безветренную ночь, освещая маленькое пространство, занятое нами. Нас клонило ко сну, хотя мы все-таки могли бы еще раз поужинать.

- Братцы! - окликнул столяр. Он лежал в трех шагах от нас, и порой мне казалось, что он что-то шепчет.

- Да? - сказал солдат.

- Можно мне к вам... к огню? Смерть моя приходит... кости ломит!.. Господи! не дойду я, видно, домой-то...

- Ползи сюда, - разрешил "студент".

Столяр медленно, точно боясь потерять руку или ногу, подвинулся по земле к костру. Это был высокий, страшно исхудавший человек; все на нем как-то болталось, большие, мутные глаза отражали снедавшую его боль. Искривленное лицо было костляво и даже при освещении костра имело какой-то желтовато-землистый мертвенный цвет. Он весь дрожал, возбуждая презрительную жалость. Протянув к огню длинные, худые руки, он потирал костлявые пальцы, суставы их гнулись вяло, медленно. В конце концов на него было противно смотреть.

- Что же ты это - в таком виде - пешком идешь? - скуп, что-ли? угрюмо спросил солдат.

- Посоветовали мне... не езди, говорят, по воде... а иди Крымом, воздух, говорят. А я вот не могу идти... помираю, братцы! Помру один в степи... птицы расклюют, и не узнает никто... Жена... дочки будут ждать написал я им... а мои кости дожди будут степные мыть... Господи, господи!

Он завыл тоскливым воем раненого волка.

- О, дьявол! - взбесился солдат, вскочив на ноги. - Чего ты скулишь? Что ты не даешь покоя людям? Издыхаешь? Ну, издыхай, да молчи...

- Ляжемте спать, - сказал я. - А ты, коли хочешь быть у огня, так не вой, в самом деле...

- Слышал? - свирепо сказал солдат. - Ну, и понимай. Ты думаешь, мы возиться с тобой будем за то, что ты в нас хлебом швырял да пули пускал? Кислый черт! Другие бы, - тьфу!..

Солдат замолчал и вытянулся на земле.

"Студент" уже лежал. Я тоже лег. Напуганный столяр съежился в комок и, подвинувшись к огню, молча стал смотреть на него. Я слышал, как стучали его зубы. "Студент" лег слева и, кажется, сразу заснул, свернувшись в комок. Солдат, заложив руки под голову, смотрел в небо.

- Экая ночь, а? Звезд сколько... - обратился он ко мне. - Небо-то одеяло, а не небо. Люблю я, друг, эту бродяжную жизнь. Оно и холодно и голодно, но свободно уж очень... Нет над тобой никакого начальства... Хоть голову себе откуси - никто тебе слова не скажет. Наголодался я за эти дни, назлился... а вот теперь лежу, смотрю в небо... Звезды мигают мне: ничего, Лакутин, ходи, знай, по земле и никому не поддавайся... И на сердце хорошо... А ты, - как тебя? эй, столяр! Ты не сердись на меня и ничего не бойся... Что мы хлеб твой съели, это ничего: у тебя был хлеб, а у нас не было, мы твой и съели... А ты, дикий человек, пули пускаешь... Неужто ты не понимаешь, что пулей вред человеку можно сделать? Очень я на тебя давеча рассердился, и, ежели бы ты не упал, вздул бы я тебя, брат, за твою дерзость. А насчет хлеба - дойдешь ты завтра до Перекопа и купишь там, деньги у тебя есть, конечно... Давно ты схватил лихорадку-то?

Долго еще в моих ушах гудел бас солдата и дрожащий голос больного столяра. Ночь - темная, почти черная - спускалась все ниже на землю, и в грудь лился свежий, сочный воздух.

От костра исходил ровный свет и живительное тепло... Глаза слипались.

.....

- Вставай! Живо! Идем!

Я с испугом открыл глаза и быстро вскочил на ноги, чему помог солдат, сильно дернув меня с земли за руку.

- Ну, живо! Шагай!

Лицо у него было сурово и тревожно. Я оглянулся вокруг. Всходило солнце, уже розовый луч его лежал на неподвижном, синем лице столяра. Рот у него был открыт, глаза далеко вышли из впадин и смотрели стеклянным взглядом, выражая ужас. Одежда на его груди вся изорвана, он лежал в неестественно изломанной позе. "Студента" не было.

- Ну, загляделся! Иди, говорю! - внушительно сказал солдат, таща меня за руку.

- Он умер? - спросил я, вздрагивая от утренней свежести.

- Конечно. И тебя удушить, так ты умрешь, - объяснил солдат.

- Его - "студент"? - воскликнул я.

- Ну, а кто же? Ты, может? А то я? Вот те и ученый... Ловко управился с человеком... и товарищей своих в рюху всадил. Знай я это, я бы вчера этого "студента" убил. Убил бы с одного разу. Трах его кулаком в висок... и нет на свете одного мерзавца! Ведь что он сделал, ты понимаешь? Теперь мы должны так идти, чтобы ни один глаз человеческий не видал нас в степи. Понял? Потому - столяра сегодня найдут и увидят - удушен и ограблен. И будут смотреть за нашим братом... откуда идешь, где ночевал? Хотя при нас с тобой и нет ничего... а револьвер-то его у меня за пазухой! Штука!

- Ты его брось, - посоветовал я солдату.

- Бросить? - задумчиво сказал он. - Вещь-то ценная... А может, нас и не словят еще?.. Нет, я не брошу... кто знает, что у столяра оружие было? Не брошу... Он рубля три стоит. Пуля в нем есть... эхма! Как бы эту я самую пулю милому товарищу нашему в ухо выпустил! Сколько он, собака, денег огреб, - а? Анафема!

- Вот те и дочки столяровы... - сказал я.

- Дочки? Какие? А, у этого. Ну, они вырастут, замуж-то не за нас выйдут, об них и разговору нет... Идем, брат, скорее... Куда нам идти?

- Я не знаю... Все равно.

- И я не знаю, и знаю, что все равно. Идем вправо: там должно море быть.

Мы пошли вправо.

Я обернулся назад. Далеко от нас в степи возвышался темный бугорок, а над ним сияло солнце.

- Смотришь, не воскрес ли? Не бойся, догонять нас не встанет... Ученый-то, видно, со сноровкой парень, основательно управился... Ну, и товарищ! Здорово он нас всадил! Эх, брат! Портятся люди, из года в год все больше портятся! - печально сказал солдат.

Степь, безмолвная и пустынная, вся залитая ярким солнцем утра, развертывалась вокруг нас, сливаясь на горизонте с небом, таким ясным, ласковым и щедрым светом, что всякое черное и несправедливое дело казалось невозможным среди великого простора этой свободной равнины, покрытой голубым куполом небес.

- А жрать-то хочется, брат! - сказал мой товарищ, свертывая папироску.

- Чего мы сегодня поедим, и где, и как?

Задача!

.....

На этом рассказчик - мой сосед по больничной койке - кончил свою повесть, сказав мне:

- Вот и все. Я очень подружился с этим солдатом, мы с ним вместе дошли до Карсской области. Это был добрый и опытный малый, типичный бродяга. Я уважал его. До самой Малой Азии шли мы вместе, а там потеряли друг друга...

- Вы вспоминаете иногда о столяре? - спросил я.

- Как видите или - как слышали...

- И... ничего?

Он засмеялся.

- А что я должен чувствовать при этом? Я не виноват в том, что с ним случилось, как вы не виноваты в том, что случилось со мной... И никто ни в чем не виноват, ибо все мы одинаково - скоты.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://gorkiymaxim.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!